

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И УЧЕНИЕ КОНФУЦИЯ

КАК ИНСТРУМЕНТЫ АККУЛЬТУРАЦИИ МОНГОЛЬСКИХ
ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ В ЭПОХУ ЮАНЬ (XIII–XIV ВВ.)

CHINESE LANGUAGE AND CONFUCIANISM

AS AN INSTRUMENT OF MONGOLIAN ADAPTATION IN CHINA
DURING YUAN EPOCH (13TH–14TH CENTURIES)

© 2021 **Александр Шайдатович Кадырбаев**

Доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ; ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; kadyr_50@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-0511-1095

Alexander Sh. Kadyrbaev

DSc (History), Professor of the Institute of Asia and Africa (IAAS), Moscow State University; Leading Research Fellow of the Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; kadyr_50@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-0511-1095

Статья посвящена проблеме аккультурации монгольских завоевателей в Китае после его покорения первыми наследниками Чингисхана и создания империи Юань — монгольского государства в Китае. История Китая в XIII–XIV вв., когда страна была покорена соседями, — яркий пример отношений между кочевым и многовековым оседлым этносом. В то время китайский язык и учение Конфуция стали инструментами аккультурации монголов. Завоевав Китай, монгольские правители были вынуждены овладеть китайской культурой с целью наиболее эффективного управления страной. Эпоха Юань была отмечена интенсивными культурными контактами, что позволяет проследить изменения объективных параметров китайского языка. Однако

само монгольское влияние сыграло лишь дополняющую роль в долгом процессе взаимодействия китайского языка с языками степных народов Центральной и Восточной Азии.

Ключевые слова: Юань, Китай, байхуа, вэньянь, учение Конфуция, монголы в Китае, сэму, Хубилай-хан, Тогон-Тэмур, Бухуму, Нао-Нао, Байань, иероглифика, *кэцзюй*

Для цитирования: Кадырбаев А. Ш. Китайский язык и учение Конфуция как инструменты аккультурации монгольских завоевателей в эпоху Юань (XIII–XIV вв.). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 1–2. С. 106–113. DOI: 10.18254/S268684310015768-2

The article is devoted to the topic of the acculturation of the Mongol conquerors in China after the conquest by the first heirs of Genghis Khan and the creation of the Yuan Empire — the Mongol state in China. The history of China in the 13th–14th centuries, when the country was conquered by its neighbors, is a vivid example of the relationship between a nomadic and a centuries-old sedentary ethnoses. At that time, the Chinese language and the teachings of Confucius became instruments for the acculturation of the Mongols. Having conquered China, the Mongol rulers were forced to master the Chinese culture to most effectively rule the country. As a result, the Yuan era was marked by intense cultural contacts, which makes it possible to trace the changes in the objective parameters of the Chinese language. However, the Mongolian influence itself played only a complementary role in the long process of interaction of the Chinese language with the languages of the steppe peoples of Central and East Asia.

Keywords: Yuan dynasty, China, baihua, wenyan, Confucianism, Mongols in China, semu, Kublai-khan, Toghon-Temur, Buhumu, Nao-Nao, Baian, Chinese symbols, *keju* script

For citation: Alexander Sh. Kadyrbaev. Chinese Language and Confucianism as an Instrument of Mongolian Adaptation in China during Yuan Epoch (13th–14th Centuries). *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 1–2. Pp. 106–113. DOI: 10.18254/S268684310015768-2

Краткое в масштабах истории Китая правление монгольской династии Юань (1279–1368) оказало важное влияние на развитие лингвистической ситуации в стране. Династия Юань завершила длительный период господства иностранных государств на севере страны, начавшийся в середине X века. За это время большая часть Северного Китая находилась под иностранным владычеством около двух столетий, а 16 его северных округов — около четырех. Развитие исторических судеб севера и юга Китая сформировало важные этнические и лингвистические особенности этих частей страны, в целостности сохраняющиеся до сих пор. Эти особенности сложились под влиянием активных этнических и лингвистических контактов китайского населения с завоевателями на севере страны и с завоеванным местным населением на ее юге. Монгольская династия Юань правила менее ста лет, поэтому непосредственное влия-

ние монгольского языка на китайский не могло быть значительным. Все изменения китайского языка, отмеченные в текстах, возникли еще до монгольского завоевания Китая и образовались в результате более длительного и эффективного взаимодействия китайского языка не с монгольским, а с другими алтайскими языками, на которых говорили завоевавшие Северный Китай до монголов *кидани* (*qidan*; 契丹) и *чжурчжэни* (*nüzhēn*; 女真), создавшие здесь соответственно империи Ляо (907–1125) и Цзинь (1115–1234) [Воробьев, 1983, с. 378] Монгольское влияние сыграло лишь дополняющую роль в описанном выше многовековом процессе взаимодействия китайского языка с языками степных народов Центральной и Восточной Азии — завоевателей Китая [Крюков, Малявин, Сафронов, 1967, с. 200–201].

Если до монгольского завоевания в Китае общегосударственным средством общения был

письменный язык **вэньянь**, основанный на древнекитайском языке, то при монгольском владычестве его место занял письменный литературный язык — **байхуа**, сформировавшийся в XII–XIII вв. на основе северных диалектов китайского разговорного языка того времени, что стало новым явлением в лингвистической ситуации. Это было вызвано тем, что в монгольских имперских канцеляриях для общения с многочисленными китайскими подданными предпочитали пользоваться не классическим китайским, т. е. вэньянем, как было принято среди китайских чиновников и знати предшествовавшей Юань династии Сун (960–1279), павшей под натиском монголов, а более доступным для переводчиков канцелярий разговорным языком того времени — байхуа. Стимулом к использованию китайского разговорного языка явилась культурная политика монголов. Письменный язык, основанный на нормах разговорной речи, стал официальным языком монгольской администрации наряду с монгольским [Зограф, 1979, с. 11].

Разговорным китайским как более гибкой разновидностью языка было удобнее и легче оперировать при переводах с монгольского и на монгольский. Употреблять в этих целях лаконичный вэньянь — классический китайский язык было бы гораздо сложнее. Однако предпочтение, отдаваемое байхуа — разговорной форме языка, было вызвано не только соображениями простоты, но и нежеланием монгольских властей признавать литературный классический язык подчиненного народа, потому что использование вэньяня, принятого в качестве орудия официального делопроизводства, означало бы культурную уступку подчиненному Китаю. Использование монгольскими завоевателями в государственной канцелярии китайского разговорного языка могло рассматриваться как намеренный и эффективный удар по китайской культурной традиции, которую пришельцы-властители считали слабой и несовершен-

ной. В то же время некоторые панегирические произведения, увековечивающие придворные события и т. п., а также немалое число официальных документов по-прежнему составлялись на вэньяне, как в правление великого хана Хубилая (1260–1294) — основателя монгольской династии Юань (1260–1294), так и позже [Rachewiltz, 1967, с. 73], хотя подавляющая масса монголов не скрывала презрения к китайцам и не стремилась овладеть их языком. В середине XIV в. даже высшие государственные чиновники из монголов продолжали неправильно читать и писать иероглифы и не могли подписывать документы тушью с помощью кисти, вследствие чего для них приходилось вырезать специальные штампы-факсимиле, воспроизводящие подпись [Franke, 1952, с. 28]. Тем не менее известно, что многие высокопоставленные и образованные монголы, а также *сэму*, или *сэжэнь* (т. н. «цветноглазые») — выходцы из Сиюя (Западного края, *Xiyu*, 西域), территорий, лежащих к западу от Китая, достигли литературной известности на ниве китайской учености и некоторые из них прославились как каллиграфы и художники [Зограф, 1984, с. 8]. Если первые монгольские императоры Китая не знали китайской культуры, языка и письма, то это отчасти справедливо только в отношении первых правителей, да и то не всех.

Уже Хубилай-хан (1271–1294) приобщился к китайской учености, о чем сообщает «Юань-ши» («История династии Юань»; 元史). В разделе «Лечжуань» («Биографии»; 列傳) в «Юань-ши» помещено жизнеописание одного сановника Хубилай-хана — выходца из тюркского племени канглы **Бухуму**, принадлежавшего к сословию *сэму*, служившего монгольским завоевателям в Китае и овладевшего высотами китайской учености, где он вступает в рассуждения по вопросам толкования учения Конфуция с монгольским владыкой:

«Шицзу (Хубилай. — А. К.¹) его (Бухуму) отличил и велел служить ему в императорском

1 Здесь и далее все примечания в тексте источника, заключенные в скобки, принадлежат автору.

дворце. [Бухуму] наставлял наследника трона... каждый день писал много тысяч слов (по-китайски), а Сюй Хэн (китайский учитель и знаток учения Конфуция) все это оценивал... Шицзу как-то пожелал проверить написанное [Бухуму]. Бухуму тогда исполнилось 16 лет. Он написал несколько десятков [иероглифов], касающихся канвы годов эпохи Чжэн-Гуань для представления трону. Император (Хубилай) понял смысл наставлений и скрытый намек (в написанном по-китайски тексте Бухуму) и долго восхищался этим. Сюй Хэн составил хронологическую канву государей (Китая) различных эпох и вручил эту книгу учащимся для переписки. Бухуму несколько раз прочел ее и выучил ее полностью. Император позвал его на экзамен. [Бухуму] не забыл [когда его экзаменовали] ни одного иероглифа. На 13 году Чжи-Юань (1276 г.) [Бухуму] вместе с другими учениками в докладе на имя императора сказали следующее: «Мы, Ваши рабы, вот что слышали. Записи об учении (Конфуция) гласят: 'Если цзюньцзы (благородный муж) желает благотворно влиять на народ и изменить (к лучшему) обычаи, ему необходимо начинать с учения. Если яшма не отполирована, из нее не сделать драгоценности, а если человек не образован, то он не знает истинного пути. По этой причине, те, кто в старину были ванами, управляли народом благородно. Они велели, чтобы учение было на первом месте. Поскольку, начиная с времен Яо, Шуня, Юя, Тана, Вэня и У, не было никого, кто бы не учился, поэтому их (т. е. династий, правящих в эти времена) политический курс воспринимался верхами, а их обычаи одобрялись низами. Для последующих поколений это служило образцом. Когда пришла (к власти в Китае) династия Хань, были учреждены государственные учебные заведения. Было велено: только после того, как прослушан курс лекций и выдержан экзамен, занимать чиновничьи должности. Правитель владения Вэй по имени У-ди поднялся [к власти] с севера [Китая], установил порядок в Чжун-Юань (Великой Китайской равнине) и увеличил число учащихся до трех тысяч. Конфу-

цианская ученость процветала. Во все эти времена [последователи учения Конфуция] опирались на высшие учебные заведения. Ныне, мы, рабы Ваши, чтобы добыть правителя для покорения юга (т. е. для завоевания империи Южной Сун), излагаем государю как следует учреждать учебные заведения. Правитель империи Цзинь У-ди стремился усмирить (государство) У. Для этой цели сначала учредил государственные детские школы. Император династии Суй Вэнь-ди отделил культы (религиозные) от школы. Император династии Тан по имени Гао-цзун, уничтожив [государство] Лян, во всех округах, волостях повелел учредить школы. Когда пришло время (правления) Тай-цзуна (императора из династии Тан), он неоднократно утруждал себя заботой о государственных учебных заведениях. Довел их число до 1.200 и увеличил число учащихся государственных учебных заведений. И в них по каждому предмету назначили учителя [в частности] по каллиграфии и счету. Когда об этом стало известно в Коре, Силла и Пэкче — корейских государствах, Гаочане (уйгурском государстве) и Тибете, оттуда также направили учащихся (в Китай) для учения. В государственных школах империи Юань примерно 8 тысяч учащихся... Наше всеохватное и великое государство (империя Юань) приобрело в свое владение земли [Китая] между Цзян (р. Янцзы) и южными хребтами. Посчитав дворы погибшей [под натиском монголов империи Сун, сосчитали не менее 10 млн. дворов [перешедших под власть монголов]. И это святые заслуги Вашего величества, каковых с древних времен не было. С ними не сравнятся заслуги династий Тан, Суй, Цзинь. Однако, [пока] не полностью наладили управление школами. И Ваши слуги втайне жалеют об этом. Все мы были облагодетельствованы милостями премудрого [Хубилай-хана] и посвятили себя изучению учения Конфуция. Учитывая высочайшие замыслы государя, разве не очевидно, что *сэжэнь* много, а монголов меньше (среди учащихся). А это значит, что он (Хубилай-хан) хочет, чтобы мы (*сэму*, или *сэжэнь*) постигали дела мира и служили повелени-

ям Его величества. Однако, что касается учения, то здесь нет порядка и учащих еще немного. Дело в том, что надо выдергивать хорошие всходы из всего растущего, и выбирать хороших скакунов из табуна. Мы, рабы Ваши, боимся, что этого нелегко добиться. Если Вы хотите, чтобы у Вас было много способных [к управлению государством] людей, надо постигать образцы ханьской (китайской) страны и, как в древности, учредить повсюду школы» [Юань-ши, 1958, с. 1502/27454–1507/27459].

Как очевидно из вышеприведенного текста, Хубилай не только знал китайский, но и мог экзаменовывать учащихся на предмет знания иероглифики и канонов учения Конфуция, в котором был весьма сведущ, а также хорошо знал и разбирался в событиях многовековой истории Китая различных эпох.

А последние императоры Юань, начиная с Аюрбарбада (1312–1320) достаточно хорошо знали китайский язык, письмо и литературу. Среди них, конечно, не было больших художников и поэтов; восторженные оды разных авторов в их честь не могут освободить читателя от ощущения, что успехи, если не всех, то, по крайней мере, некоторых монгольских императоров, едва ли превосходили ученический уровень. Однако можно утверждать, что последний монгольский император династии Юань Тогон-Тэмур (1333–1368), или Шуньди [Дубровская, 2021], а также его сын — последний наследник юаньского трона Аюшридара (1370–1378) получили преимущественно китайское образование. Именно к Тогон-Тэмуру обращался с просьбой его сановник, выходец из сэму Нао-Нао, сын Бухуму, когда обсуждался вопрос об упразднении *Куйчжангэ сюэшиюань* (Придворной Академии культуры; 奎章閣學士院), учрежденной еще в правление предшественников последнего юаньского императора. Тогон-Тэмур сохранил Академию культуры, а также одобрил инициативу Нао-Нао об открытии учебного заведения китайской изящной словесности — *Ивэньцзянь* (*yìwénjiān*; 藝文監). Нао-Нао был поставлен во главе этих учебных заведений. Затем мон-

гольский император учредил 16 должностей чиновников для подготовки докладов на высочайшее имя.

Тогон-Тэмур согласился с тем, что систему экзаменов на замещение чиновничьх должностей — *кэцзюй* (*kejū*; 科舉) нельзя упразднить, так как еще в древности в Китае отбирали людей для управления делами мира и постоянно устраивали государственные экзамены с этой целью. Следствием этого решения стало восстановление прежних учреждений образования. Тогон-Тэмур переименовал «Звездный павильон литературы» в «Павильон откровения литературы», или *Сюаньвэньгэ* (*xiānwéngé*; 宣文閣) и привлек к юаньскому двору известных знатоков учения Конфуция, китайских ученых-историков Оуян Сюаня (1283, или 1273/74–1357/58, или 1355) и Цзе Сисы (1274–1344). По указу Тогон-Тэмура была создана комиссия по составлению историй трех династий, ранее правивших в Китае, — Ляо, Сун и Цзинь. Следует отметить, что эти династийные истории, составленные в царствование Тогон-Тэмура, и в настоящее время являются ценными источниками по изучению средневековой истории Китая и сопредельных стран и народов, как ныне существующих, так и ушедших в небытие. В правление Тогон-Тэмура были созданы канцелярии, контролировавшие художественные ценности, созданные и собранные для нужд юаньского двора, куда были определены служить ведущие китайские художники, историки и литераторы. Поскольку эти же люди служили в императорской библиотеке, выступавшей и как хранилище книг, картин и прочих сокровищ, многие традиционные функции придворной живописи эпохи Юань: ритуальные, декоративные и мемориальные — благополучно уцелели при монгольском правлении. В начале правления Тогон-Тэмура были заново переучтены и каталогизированы эти ценности.

Сановник Ван Фэн отмечал: «Все древние библиотеки имели каталоги... Я выяснил, что вещи, собранные в библиотеке, являются древними книгами и знаменитыми картинами, передававшимися со времен Цинь и Сун или

полученными в качестве дани отовсюду, и их немало. Все было с почтением приготовлено для императорского осмотра (т. е. для Тогон-Тэмур). Однако, начиная со времен Хубилая и до настоящего времени, хранилищам не достает достойного каталога. Удивительно ли, что вещи не в порядке? Если мы, в первую очередь, не возьмемся за классику, литературные произведения и живопись династий, следовавших одна за другой, и не каталогизируем их, как сможем мы выполнять наши задачи и должным образом представить их, когда получим императорские указания?»

Тогон-Тэмур был ценителем каллиграфии, издревле считавшейся в Китае важнейшим искусством, и выражал восхищение Нао-Нао, который «был искусен в полускоросписи во всех трех видах каллиграфии. Те, кто ознакомился с его искусством, считали, что он овладел духом письма мастеров каллиграфии эпохи Цзинь (III в. н. э.). Исписанный Нао-Нао иероглифами лист бумаги ценили как золото и яшму». Когда у Тогон-Тэмур «оставалось время от государственных дел, он посвящал себя каллиграфии» [*Юань-ши*, 1958, с. 1626/275278].

Несмотря на то, что Тогон-Тэмур глубоко понимал китайскую культуру и язык, и сравниться с ним в этом мог, разве что, его предшественник Хубилай-хан, несмотря на отдаление Тогон-Тэмур от степных этнических корней, он все же оставался монголом. Тогон-Тэмур прежде всего обращал внимание на те коллекции китайских картин, которые особенно нравились монголам: о лошадях и охоте — дворцовые юаньские коллекции славились работами мастеров этих жанров. Кони, полученные в качестве дани, были особо любимы в китайской живописи эпохи Юань. Несколько изображений скакунов стали страстью последнего императора династии Юань, поэтому уместно предположение, что под внешним покровом и «позолотой» китайской учености в глубине его души сохранились черты, унаследованные от степных предков [Дубровская, 2021].

В 1315 г. монголам пришлось восстановить некогда отмененную ими систему государственных

экзаменов на замещение чиновничьих должностей — *кэцзюй*. Однако уже в 1335 г. главный министр империи монгол Байань вновь отменил *кэцзюй*, восстановленную только в 1340 г., после его опалы. Характерной чертой политики Байаня была антикитайская направленность: он по своему произволу лишал жизни многих китайцев, в том числе и служивших юаньскому двору. Эти факты демонстрируют черты двойственности монгольской власти в империи Юань, которая, чтобы быть дееспособной, должна была нередко уступать давлению, исходившему от разных групп, включая китайских и прокитайски настроенных чиновников, на всем протяжении правления династии Юань боровшихся за возвращение к китайской традиционной культуре. Вместе с тем, как показывает пример Байаня, в среде монгольской знати империи Юань были достаточно сильны антикитайские настроения.

Особенности китайских документов монгольской имперской канцелярии являлись не результатом внутреннего развития языка, а механизмом контакта, престижем языка, с которого делались переводы с монгольского — языка создателей империи Юань. Язык первых монгольских документов, написанных на байхуа, очень небрежен — виден результат поспешного перевода текстов с монгольского, настолько буквального, что он сохранял даже свойственный монгольскому языку порядок слов [Зограф, 1979, с. 11]. Весьма специфическая грамматика китайских надписей, составленных по повелению монгольских управляющих, содержит признаки заметного влияния монгольского языка. Они отражают не только индивидуальную грамматику переводчика, составившего надпись, или монгольского военачальника, продиктовавшего его писцу, но и реальные грамматические явления пограничного диалекта. Те же грамматические явления наблюдаются в своде законов империи Юань на китайском языке и в китайской версии «Юань-чао биши» («Тайной истории монголов»; 元朝秘史). Примечательно, что в китайских драмах и других литературных произведениях эпохи Юань также можно встретить грамматические

формы, присущие монгольским документам на китайском языке [Крюков, Малявин, Сафронов, 1967, с. 201–202]. Специфика этих документов, а также литературы на китайском языке, может рассматриваться как отражение языковой ситуации, сложившейся в Китае в период правления монгольской династии Юань [Зограф, 1984, с. 21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Воробьев М. В. *Культура чжурчженей и государство Цзинь*. М., 1983. — 370 с. [Vorobyov M. V. *The Culture of Jurchens and the State of Jin*. Moscow, 1983. — 370 p. (in Russian)].

Дубровская Д. В. Францисканские миссионеры, аланская гвардия и вороной скакун, подчинивший юаньскому Китаю Папу Римского. *История*. 2021. № 4(102) [Dubrovskaya D. V. Franciscan Missionaries, the Alanian Guard, and the Black Steed that Subdued the Pope to Yuan China. *Istoria*. 2021. № 4(102) (in Russian)].

Зограф И. Т. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М.: Наука, 1979. — 336 с. [Zograf I. T. *The Language of Chinese Middle Ages (Its Building and Tendencies)*. Moscow: Nauka, 1979. — 336 p. (in Russian)].

Зограф И. Т. *Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольской канцелярии в Китае*. М.: Наука, 1984. — 146 с. [Zograf I. T. *Mongolian-Chinese Interference. The Language of Mongolian State Administration of China*. Moscow: Nauka, 1984. — 146 p. (in Russian)].

Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов М. В. *Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени*. М.: Наука, 1967. — 312 с. [Kryukov M. V., Malyavin V. V., Safronov M. V. *Ethnical History of the Chinese on the Verge of the Middle Ages and New Times*. Moscow: Nauka, 1967. — 312 p. (in Russian)].

Юань-ши (История династии Юань). Соинь-бонабэнь, эр-ши-сы-ши (24 династийных истории). Цз. 124, 130. Пекин-Шанхай, 1958 [Yuan-Shi (History of Yuan Dynasty). Soyin-bonaben er-shi-si-shi (24 Dynastic Histories). Juan 124, 130. Peking-Shanghai, 1958 (in Chinese)].

Franke H. Could the Mongol Emperors Read and Write Chinese? *Asia major*. New series. 1952. Vol. 3. Pt. 1. Pp. 28–41.

Rachewiltz I. de. Some Remarks on the Language Problem in Yuan China. *The Journal of the Oriental society of Australia*. 1967. Vol. 5, No. 1–2. Pp. 65–80.

